

И.А. ШМЕРЛИНА

СЕМИОТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Онтологическая проблематика в социологической теории

Социология базируется на сильном онтологическом допущении о существовании социальной реальности *sui generis*. Однако тот исторический контекст, в котором было сделано это допущение, придал ему выраженную запретительную модальность. При этом постулат о реальности *sui generis* был воспринят социологической мыслью не только в онтологическом, но и в генетическом ракурсе, что чрезвычайно сузило перспективу социологического исследования и исключило эвристически ценные междисциплинарные сопоставления. В фокусе внимания социологии оказались вопросы внутрисоциального порождения социальной реальности, получающие в ряде случаев онтологическую трактовку. На полюсе методологического индивидуализма социальное выступает как совокупность *индетерминированных* индивидуальных действий, представляя собой, по сути, фантомную констелляцию, существующую лишь в воображении теоретика. Структуралистский подход состоит в принципиальном допущении того, что социальное имеет собственную онтологию. Природа ее неясна или не важна — важно то, что социальное *есть*, и оно направляет индивидуальное поведение (действие).

Онтологическая «абerrация» — смещение фокуса внимания с вопроса о субстрате к вопросу о механизме — вообще свойственна объективистскому подходу, и это неслучайно. Признание примата социального целого провоцирует на предположение о существовании мистических «социальных сущностей», «онтологический страх» перед которыми различим в социологическом дискурсе. Вследствие этого любая версия структурализма в конечном (онтологическом) смысле содержит скрытую индивидуалистическую редукцию, а попытка уйти от этого инициирует дрейф социальной теории от онтологических проблем либо в механизмы функционирования и трансляции, либо в вопросы гносеологии.

Ни в одной своей версии структурализм не дает последовательного и внятного онтологического решения, совместимого со здравым

Шмерлина Ирина Анатольевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН. Адрес: 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, строение 5.
Телефон: (495) 120-82-57. Электронная почта: shmerlina@yandex.ru

смыслом (то есть не связанного с гипостазированием надындивидуальных сущностей). Проводя методологические параллели, можно сказать, что структурализм строится по той же модели, что и эврителизм¹ в понимании природы биологической целесообразности.

Отмеченные недостатки присущи не только последовательно структуралистским версиям, но и попыткам найти компромисс между базовыми оппозициями социологической мысли — надындивидуальной структурой и индивидуальным действием. Мы имеем в виду как «конфляционистские» модели [1], так и версии, базирующиеся на «двойной онтологии» (в частности, концепцию Р. Бхаскара [24]). Они также связаны со стремлением примирить непримиримые онтологические основания, не потеряв ничего здравого ни в одном из них, и содержат смещения от онтологии в сторону гносеологии и моделей функционирования.

Любая попытка найти удовлетворительный онтологический компромисс на пути «диалектического» (а, по сути, механического) соединения структуры и индивидуального действия, на наш взгляд, бесплодна. Настоящее «диалектическое соединение» этих сторон происходит в том, что не принадлежит полностью ни одной из них, а именно — в знаке.

Перспективной в этом отношении версией структуралистской парадигмы является реляционная модель П. Бурдье, которая формально противоположна, однако в своих исходных позициях консистентна семиотическому подходу к пониманию социальности, заявленному в настоящей работе. В отличие от, например, Бхаскара, который делает акцент на отношениях между позициями и практиками [24, р. 52], утверждая момент исторического разрыва между ними и сворачивая проблему онтологии социального к проблеме его воспроизводства, Бурдье остается в актуальном реляционном пространстве, идентифицируя социальную реальность с относительными позициями и связями между ними [3, с. 185–186].

Реляционная концепция Бурдье еще не содержит онтологического решения, по крайней мере, субстанционального плана; именно последний, по мнению Бурдье, приводит к «абберациям» социологической теории. Бурдье, несомненно, прав, когда пишет: «...часто случается, что средства, вынужденно используемые для конструирования и обнаружения социального пространства, могут заслонить полученные с их помощью результаты.

¹ Телеологический подход, в рамках которого целесообразность «рассматривается как полезная фикция, временно используемая для отыскания ателических законов природы»; термин А.А. Любищева (см.: [12, с. 85]).

Группы, конструируемые для объективации занимаемых ими позиций, заслоняют эти позиции... Взаимодействия, дающие непосредственное удовлетворение эмпирическим предрасположенностям, — а их можно наблюдать, снимать, регистрировать, короче — трогать их пальцами, — заслоняют структуры, которые в них реализуются» [3, с. 186–187].

Однако «люди» — не единственный вариант субстанционального решения. Не навязывая Бурдье свою логику, мы бы хотели отметить, что четко артикулированная реляционная трактовка социальности — как того, что находится *между* взаимодействующими людьми, — провоцирует на формулирование субстанционального вопроса о том, что именно находится *между* — из чего именно *состоят социальные связи*. Реляционная концепция заставляет задуматься о существовании системы — посредника взаимодействий, пусть даже эта система встроена в сами взаимодействующие объекты. Этот посредник, а точнее, субстрат отношений и взаимодействий, есть знак. Проблема онтологии социального взаимодействия локализуется, в нашем представлении, в пространстве семиотики.

Знак — своеобразная материя. Она «субстанциональна» (знак есть то, что дает «непосредственное удовлетворение эмпирическим предрасположенностям», его «можно наблюдать, снимать, регистрировать, короче — трогать ...пальцами»), и вместе с тем знак «живет» и имеет смысл как знак только в реляционном пространстве. Он представляет собой оформление позиций, переход от отношений к взаимодействиям и вместе с тем — само «тело» взаимодействий. Бурдье, на наш взгляд, глубоко прав, утверждая, что «истина взаимодействия никогда не заключается целиком во взаимодействии в том виде, в каком то предстает наблюдению» [3, с. 187]. Действительно, «истина взаимодействия» кроется в отношениях как в дознаковой реальности. В детерминационном плане взаимодействия основаны на отношениях, но в «субстратном плане» состоят не из них. Они состоят из знаков.

Тотальность знака

Социальное имеет знаковую природу. Ни происхождение (генетическое, культурное), ни субстрат знака (часть тела или написанная фраза) не имеют в этом вопросе принципиального значения. Существуют разные уровни социальности, и они обслуживаются разными уровнями семиотики («знаковости»). Сама эволюционная история социальности может быть поставлена в параллель к разворачиванию знакового континуума — от знака-индекса, морфологически представленного в объекте, до языкового символа.

Социальное, как бы ни трактовать его сущность и механизмы детерминации, феноменологически есть взаимодействие. Но любое

взаимодействие должно быть семиотически оформлено. Сегодняшний интерес к экстралингвистическим аспектам взаимодействия связан с осмыслением важности именно этологического ракурса семиотики.

Ни один контакт между особями не совершается вслепую, это всегда *взаимо-*действие, основанное на распознавании действий друг друга, то есть на интерпретации знака, даже если знак непосредственно воплощен в теле. Знак представляет собой информационный посредник взаимодействия. В теле одного живого объекта всегда есть что-то, что позволяет другому живому объекту распознавать его как релевантный для взаимодействия. Этот знак всегда информационно «уже», меньше, компактнее, чем тело как таковое (здесь действует универсальный принцип экономии, к которому мы обратимся ниже). Если подойти к проблеме социального с этой стороны, то окажется, что социальность есть континуум, непрерывная линия развития семиотических средств с нарастанием их информационной емкости, сжатости, компактности. Верхние уровни этого континуума составляют семиотические процессы символической природы, специфичные для человеческого общества. К тем принципиальным различиям, которые существуют между социальной семиотикой микро- и макроуровня, мы обратимся ниже, здесь же нам важно подчеркнуть, что, независимо от уровня, социальное всегда есть семиотический объект.

В современном научном знании развиваются представления о тотальности семиотического аспекта жизни. Эта тенденция связана с поиском структурных семиотических инвариантов на разных жизненных уровнях. Ю.С. Степанов полагает, что в таком тотальном охвате семиотика смыкается с синергетикой; именно здесь — в расширении семиотики за пределы языковой сферы — он видит «точку роста» данной науки [21, с. 42]. Современные исследования в области биосемиотики реализуют это перспективное направление. Можно спорить, где, на каком уровне природных явлений рождается семиосфера как мир значения и смысла [22], однако очевидно, что она возникает задолго до человека и человеческого социума. Между тем в социологии семиотический аспект жизни раскрыт недостаточно. Так, авторы одного из хрестоматийных социологических текстов ограничивают семиотические аспекты жизни случаями преднамеренного предъявления стимула [2, с. 62; 64]. В отличие от Шютца, Лукмана и Бергера, мы разделяем концепцию тотальности знака. Характерно, что в повседневных ситуациях общения приходится прилагать специальные усилия, чтобы подавить знаковую сторону телесной экспрессии (не проявить то, что само по себе стремится стать знаком).

Значение семиотической перспективы для социологии

Социальная реальность есть семиотическая реальность — наш основной тезис. Что дает такое понимание для социологического анализа?

Во-первых, как было указано выше, в знаке снимается оппозиция реляционного и субстанционального подходов к природе социального: знак есть субстанция взаимодействий, однако сам он обретает плоть и становится таковым только в реляционном процессе. Ч. Моррис подчеркивал реляционную природу семиотики как науки, имеющей дело «исключительно с отношениями» [14, с. 52]. «Ничто по своим внутренним свойствам не есть знак или знаковое средство, но может стать таковым, если, выступая посредником, позволяет чему-либо учесть что-либо» [14, с. 84].

Будучи по своим методологическим установкам объективистским и в целом тяготея к структурализму, семиотический подход в определенной степени вбирает в себя иные онтологические ракурсы рассмотрения социальной реальности: процессуально-событийный (процессы и события состоят из знаков, именно последние подлежат расшифровке), нормативно-ценностный (символическая «субстанция» здесь очевидна) и даже «онтологию смысла» Вебера, поскольку любой знак действует только тогда, когда распознается его смысл.

В семиотической концепции находят развитие идеи формальной социологии: она фокусирует внимание на необходимости различения формы и содержания социальной материи и признания собственной динамики того и другого. Семиотический подход позволяет увидеть дистанцию между «первичной реальностью» объективных позиций и связей и «вторичной реальностью» социального взаимодействия, исполненного посредством знаков. Оформляя взаимодействие, знак до известных пределов конструирует его, подчиняя своей собственной логике функционирования.

Предлагая «субстанциональное наполнение» идеи автономности социального, семиотический подход дает решение центральной философской проблемы структуралистской социологии — проблемы самостоятельного онтологического статуса надындивидуального объекта (социальных структур). Предлагаемое решение позволяет снять налет мистичности с идеи социального реализма: автономность знака (семиотического средства) — вот то, что позволяет социальной реальности отделиться от людей.

Развивая идею тотальности семиотики, мы, однако, не заходим так далеко, чтобы поддаться «соблазну» постмодернизма. Драматизировав проблему автономного существования знака, постмодернизм предложил гуманитарной мысли притягательный концепт «мир как текст». Развиваемая здесь концепция, несмотря на внешнюю близость некоторых ее тезисов пост-модернистским формулировкам, остается в строгих рамках научного дискурса, а ее эпистемические выводы радикально отличаются от заключений философской литературы, сделанных в интеллектуальном жанре абсурдного чтения.

Если существует особая реальность знаковых отношений, то социальные взаимодействия должны подчиняться законам этой реальности. Семиотический подход к социальной онтологии требует, таким образом, выяснения тех общих семиотических закономерностей, которые управляют в том числе и социальными отношениями. Выделим в качестве предварительного ответа на данный вопрос некоторые наиболее очевидные тенденции общесемиотического характера.

Семиотическая трактовка социальности и жизни вообще позволяет сформулировать **закон стилизации**, который, в свою очередь, может быть понят как проявление более общего «закона экономизации», то есть стремления к наиболее экономичным решениям. На языке информатики это означает сжатие информации¹.

Знак замещает ту систему, которая во всей полноте стоит за ним — и это замещение в значительном числе случаев происходит как стилизация замещаемого объекта / феномена. Как механизм стилизации могут быть проинтерпретированы общебиологические феномены сверхнормального стимулирования² и ритуализации³; закон стилизации присутствует в процессах восприятия (механизм стереотипизации и проч.), в искусстве, в сфере социальных взаимоотношений человека. В самом деле, в семиотическом ракурсе анализа социальные роли есть не что иное, как стилизации определенных отношений (обратим внимание, насколько чувствительны бывают участники социальных взаимодействий к прецедентам «нарушения стиля»).

Второй общий семиотический закон, который важен для социологии, можно сформулировать как **закон компетентности**. Он означает, что для успешного взаимодействия всегда нужно знать язык. Ни один тип поведения не может быть понят «сам по себе», в своей непосредственности — всегда требуется знание «кода», «словаря» — системы семантического распознавания. При этом неважно, как достигается

¹ В лингвистике этот принцип, кажется, первым сформулировал А. Мартине (см.: [6, с. 381]). Информационно-энергетическая трактовка семиотики хорошо изложена у Ю.С. Степанова [21, с. 90–92].

² Феномен сверхнормального стимулирования заключается в том, что животные предпочитают те объекты, в которых особо ярко, выразительно (в экспериментальных условиях — до гротескности) представлены ключевые стимулы, запускающие ту или иную инстинктивную реакцию.

³ «Ритуализация, — пишет Д. Мак-Фарленд, — это эволюционный процесс, благодаря которому определенные комплексы поведения модифицируются таким образом, чтобы осуществлять коммуникативную функцию» [11, с. 353]. Этологический механизм переориентации, лежащий в основе этого процесса, связан с упрощением и стереотипизацией движений, которые утрачивают свой первоначальный функциональный смысл и приобретают иное сигнальное значение.

«языковая компетентность» — генетически или путем научения; так или иначе, знание языка семиотической реальности всегда *жизненно* необходимо.

В связи с этим можно обратить внимание на проблему межвидовой языковой компетентности. Язык социальности — те, в широком смысле слова, правила поведения, которые его образуют, — представляет собой, по-видимому, внутривидовой феномен. Иначе говоря — есть социальные отношения между собаками, но нет социальности между кошкой и собакой. Отсутствие общих, распознаваемых семиотических средств не позволяет говорить о наличии социальности между особями разных видов.

Вместе с тем собака и кошка, выросшие вместе, «понимают» друг друга и даже, как показывают наблюдения, способны к семиотическому обмену. Мы рассмотрим этот вопрос ниже, здесь же сформулируем лишь общую закономерность: по мере нарастания автономии знака возникает и возрастает межвидовая доступность семиотических систем; семиотические системы становятся все более прозрачными и менее обязательными для исполнения.

Этот вопрос имеет непосредственное отношение к одному из центральных сюжетов семиотики — к вопросу о строении знака. Социальная реальность есть знаковая реальность, следовательно, социальные отношения могут быть рассмотрены с точки зрения закономерностей строения знаковой системы. Данный ракурс исследования онтологии социального представляется весьма продуктивным. Разные типы соотношения плана содержания и плана выражения знака позволяют понять разную семиотическую природу контактного (проксимального) и «большого» (дистального) сообщества — то, что достаточно драматично отразила еще социология Ф. Тенниса. Мы можем провести непрерывную семиотическую линию от взаимодействия на клеточном уровне до дистальных средств коммуникации современного общества — и увидеть в этом процессе нарастание символической природы социального знака.

Проблема автономности знака на разных семиотических уровнях

Одним из важных аргументов в пользу реального существования третьего мира Поппер называет его «причиняющую силу» — способность воздействовать на индивида [16, с. 158–159]; Дюркгейм говорит то же самое в отношении общества.

Аналогичный подход может быть реализован и в отношении знаковых систем. Функционирование знака (знаковой системы) происходит не по волеизъявлению того, кто подает (или продуцирует) знак, а в соответствии с некоторой силой, присущей самому знаку (знаковой системе). В данном тезисе сформулированы два предположения,

которые должны быть рассмотрены отдельно.

Первое предположение связано с независимостью знака от своего носителя (индивида, особи) — автономией *от* психических систем. Любая знаковая система, независимо от ее происхождения, обладает в отношении индивида причиняющей силой. Было бы наивным представлять дело таким образом, будто особь может делать со знаком то, что она хочет. Гораздо более обоснованным является утверждение, что, напротив, знак может делать с особью то, что «хочет» знак. Проще всего это показать относительно природных семиотических систем, в частности, генетических. В том случае, когда особи предьявляется генетически заложенный знак, она бессознательно выполняет ту программу, которая запускается данным знаком. Одним из наиболее впечатляющих примеров «диктата» знака являются так называемые эволюционные тупики, когда развитие семиотического аспекта взаимодействий ведет к снижению адаптационных возможностей особи.

Блестящей иллюстрацией знакового управления, «ломающего» психологический рисунок отношений, может служить история дружбы серых гусей, описанная К. Лоренцем. «Триумфальный крик», создающий дружеский союз этих птиц, амбивалентно нагружен импульсами агрессии и симпатии. Реализуя внутреннюю логику своей организации, этот знак может перевернуть характер тех отношений, которые он «призван» регулировать (см.: [10, с. 202–203]). В человеческих взаимоотношениях также можно различить случаи конфликта семиотических систем (например, дружеской и служебно-иерархической), который приводит к деформации исходного содержания отношений.

Другим примером знакового поведения может служить любовь. Будучи интенсивным эмоциональным состоянием, она имеет ярко выраженное семиотическое управление. Известно, что само чувство возникает порой как реакция на знаковую игру и существует множество национально-культурных разновидностей «науки страсти нежной». Заметим, что такая интерпретация любовных состояний близка к их описанию в рамках концепции импринтинга: в обоих случаях запускающая роль психологического состояния принадлежит знаку.

Семиотическое управление поведением настолько сильно, что фактически само поведение является функцией скорее семиотических, нежели психических систем, что показано в драматургической социологии.

Конечно, можно возразить, что человек порой сознательно преступает дозволенные нормы семиотической системы (например, в бытовом общении), однако это лишь оттеняет само существование последних. Любое «некондиционное» поведение вызывает столь острую реакцию окружающих, что от психически нормального человека требуется немалая доля мужества, чтобы решиться на это.

Признание причиняющей силы знака служит аргументом в пользу независимости семиотических структур от индивидуально-психических, но еще не в пользу автономии самого знака. Знак управляет поведением особи, однако требуется выяснить, что управляет самим знаком.

Системность семиотических средств

Автономия предполагает системное существование; именно в системе, ее структуре (организации) кроются источники автономности — примем это в качестве постулата, направляющего дальнейший анализ. Проблема сводится к тому, чтобы квалифицировать статус семиотического феномена — является ли он семиотической *системой*, то есть определенным образом организованной совокупностью знаков, или отдельным, «самим по себе», знаком¹.

В отношении семиотических средств, закрепленных генетически, верным ответом будет, как нам представляется, последний. Знаки-релизеры² требуют жесткого реагирования, причем эта связь между знаком и последующим поведением порой настолько однозначна, что вызывает комические ситуации. Хрестоматийным примером, после К. Лоренца многократно описанным в этологической литературе, является свойственный выводковым птицам инстинкт следования за первым движущимся предметом, когда не принимаются во внимание никакие обстоятельства, кроме наличия момента движения. Заслуживают внимания и заключения К. Лоренца по поводу так называемого материнского инстинкта у птиц, который представляет собой совокупность совершенно самостоятельных инстинктивных движений, то есть — наложение знакового управления, но не систему [10, с. 141–142].

В случае инстинктивного поведения нет взаимодействия между знаком и знаком — а именно это и позволяет говорить о наличии *семиотической системы*. Здесь можно наблюдать лишь взаимодействие между знаком и особью, при этом каждый знак, который воспринимается наблюдателем как элемент слаженной системы, в действительности вызывает соответствующее именно ему поведение, порой диаметрально противоречащее тому, что требовал предыдущий знак.

Такая непосредственная связь между знаком и поведением отвечает семиотической природе индекса, который представляет собой знак *по смежности* с обозначаемым явлением.

¹ Вопрос о возможности существования единичного знака рассматривался Ч. Моррисом, который не дал на него однозначного ответа, однако склонялся к тому, что любой знак, кажущийся изолированным, в действительности отсылает к некоей системе [14, с. 50, 51, 53].

² Релизер — транслитерация англ. «releaser» (освобождающее); в этологии — нечто, *высвобождающее* инстинктивную реакцию.

Как подчеркивал Ч. Пирс, «индекс физически связан со своим объектом»; «индекс есть знак, отсылающий к объекту, который он денотирует, находясь под реальным влиянием этого объекта» [15, с. 59, 90].

Индексы, организующие поведение животных (и в значительной степени человека), отсылают к конкретной, непосредственной, семиотической реальности. Заметим, что так же порой «ведут себя» и символы, но символы, в отличие от индексов, обладают потенциалом внутренней связности — тенденцией соединения в систему, внутри которой референция происходит не между знаком и предстоящей ему реальностью, но между символом и символом.

Разумеется, поведение, управляемое индексами, выглядит достаточно «системно»: знаки, продуцируемые одной особью, вызывают определенный ответ со стороны другой. В действительности в подобных случаях слаженной семиотической игры имеет место не система, а определенная *совокупность* индексов, которая не предполагает наличия внутренних содержательно-логических факторов организации. Иллюстрацией подобной ситуации может быть публичное выступление, которое воспринимается слушателями как свободное, разворачивающееся на их глазах рассуждение, а в действительности представляет собой текст, заученный наизусть. Ключевой момент, который акцентирует данная иллюстрация, состоит в том, что совокупность индексов не может развиваться; она не имеет собственной внутренней логики «поведения». Она организована не логически, а исторически: ответ одного индекса на другой задан генетически или некоей произвольно сложившейся традицией. И единичный индекс, и их совокупность в виде определенной знаковой констелляции отсылают к реальному, «физическому» поведению (что необязательно для функционирования символических систем).

Вместе с тем было бы неверно представлять дело таким образом, будто индекс связан с конкретным и единичным, а символ — с общим¹. Любой знак представляет собой некоторое обобщение. В этом его суть, смысл и предназначение как замещающего феномена. Даже на самых ранних ступенях семиотического процесса особь, информационно-генетически защищенная от своих врагов, реагирует не на конкретных хищников, но лишь на достаточно отвлеченные сигналы их присутствия — релизеры, запускающие инстинктивный поведенческий комплекс. Равным образом и половую реакцию вызывает не особь, а признаки ее половой привлекательности [7, с. 64–67]. Эти признаки представлены телесно-физически, и в этом смысле они, казалось

¹ Рассуждения на этот счет Ч. Пирса содержат опасность неплотного упрощения (см.: [15, с. 59, 90, 92, 96]).

бы, единичны, конкретны и сиюминутны. Вместе с тем, как бы ни были они уникальны в своем физическом предьявлении, они несут обобщенную информацию и однозначно прочитываются именно с точки зрения своего универсального (а не уникального) содержания. Индекс порождается как единичное и уникальное, связан с единичным и уникальным (воплощен в нем), но отсылает к информации, имеющей общее значение. В этом смысле абстрагирующие свойства возникают уже на самой низшей ступени семиозиса.

В данном контексте может быть исчерпывающе описан феномен сверхнормального стимулирования, логика которого состоит в усилении знаковости обычного, естественного стимула, в силу чего он и вызывает предпочтительную реакцию у животного.

Этот сюжет имеет непосредственное отношение к одной из ключевых проблем современной социологической мысли — проблеме субъективного конструирования реальности. Знак представляет собой обобщение некоторой жизненно важной информации, и те ситуации / объекты / процессы, которые несут эту информацию, воспринимаются субъектом не непосредственно, но сквозь призму знака. Иначе говоря, внешний мир дан живому существу через знаки, а любой знак есть более или менее грубая схематизация действительности. Описанные К. Лоренцем опыты с индюшками демонстрируют это, как пишет автор, «самым драматичным образом». Индюшонок для индюшки — это питающее существо; именно так, сквозь призму релевантного индекса, он сконструирован в ее сознании. Знак всегда есть некая конструкция, и в этом смысле конструктивизм, конституирующие потенции заложены в самой природе знака. Именно отсюда происходит его способность отражать свойства окружающего мира в форме, не имеющей непосредственного сходства с этими свойствами, способность формировать понятия, не имеющие явной корреспонденции с жизнью. Это ослабляет «пафос» конструктивистской перспективы. Конструктивистские потенции знака, его способность *принести* нечто в мир, конструировать последний заложены в самой природе семиотических средств и обнаруживаются уже на самых ранних эволюционных стадиях жизни.

***

Идея автономности семиотического объекта непосредственно замыкается на две проблемы — 1) отделенности знака как от носителя, так и от обозначаемых им отношений во всей их конкретности; 2) системного статуса семиотического объекта. Очевидно, что эти проблемы тесно взаимосвязаны и в целом могут быть поняты как проблема самореференции. Она представляет собой один из ключевых параметров операциональной замкнутости (то есть — автономности) системы. В случае семиотического объекта принцип самореференции требует, чтобы знак отсылал к знаку.

Очевидно, это становится возможным только тогда, когда знаковая реальность приобретает символический характер и отрывается от «жизни» — причем как от носителя, так и от символизируемых отношений¹. Этот процесс (отделение знака от носителя и приобретение им символического статуса) имеет эволюционную перспективу. Последствия его «благоприятны» как для самих знаковых систем, так и для их носителей: и те и другие обретают определенную степень свободы, независимости друг от друга.

Автономизация знака

Ключевым моментом для автономии семиотической системы является «телесно-физическая» отделенность знака от носителя знакового поведения. Эту отделенность следует рассматривать в двух аспектах — с точки зрения плана выражения и плана содержания. Для того чтобы быть элементом семиотической системы, знак должен а) иметь произвольную, «свою собственную» форму («свое собственное» «тело»²) и б) приобрести необходимую дистанцию от реальных, до-знаковых отношений. Под последним требованием мы имеем в виду способность знака передавать информацию, не связанную непосредственно с телесно-физическим существованием индивидов.

Материалом воплощения («телом») знака могут быть а) тело особи; б) предмет; в) «свое собственное тело» знака — то есть свой собственный способ фиксации, безотносительный к физическому материальному носителю. Наиболее аутентичным «знаковым предметом» является графема, которая может быть воплощена в чем угодно — вплоть до композиций из массы человеческих тел, которые представляют собой один из типичных выразительных элементов спортивных праздничных зрелищ.

Для понимания процесса автономизации знака полезно обратиться к их классическому делению Ч. Пирсом на индексы, иконы и символы и рассмотреть, как реализуются названные типы зависимости между планом выражения и планом содержания (будем называть их типами организации знака) в знаках биологического и культурного происхождения. Под биологическими знаками мы понимаем поведенческие феномены, имеющие как жестко генетическое происхождение, так и более сложные этологические комплексы, включающие компонент научения.

Кажется очевидным, что биологические и особенно генетически предопределенные знаки должны быть жестко связаны с телесностью, — как в плане содержания, так и выражения. Действительно,

¹ «...Знаки целиком произвольные лучше других реализуют принцип семиологического процесса», — подчеркивал Ф. де Соссюр [19, с. 79].

² Термин взят из: [9, с. 53, 55].

любой биологический знак имеет телесно связанное содержание: это всегда информация, имеющая отношение к соматическому состоянию или иным аспектам физического существования особи. Ни один биологический знак не способен выразить отвлеченное содержание (понятие «Бог» или цифру «9»). У биологического знака нет иного содержания и «назначения», кроме как обслуживать телесно-физические нужды особи. Он не может развивать «свое собственное содержание», потому что у него его нет. Это первое ограничение на автономность знака — с точки зрения плана содержания.

Что касается типа организации знака, то современные этологические знания позволяют говорить о том, что природная коммуникация использует все способы соединения означаемого и означающего — индексы, иконы и символы. При этом большинство знаков, известных в природе (в том числе в «природном» поведении человека), — это телесно предьявляемые индексы и иконы.

Заметим, что телесно могут быть выражены все три типа знаков. Для индексов и икон это аутентичная форма выражения, для символа — вспомогательная. Непосредственно телесная воплощенность знака чаще всего сопряжена с обусловленностью («неконвенциональностью») плана выражения. В том случае, если знак непосредственно связан с некими физиологическими или психофизиологическими процессами, обусловлен ими, он рассматривается как индекс. «Чистыми» примерами индексов являются всевозможные телесные «эманации», сигнализирующие о готовности особи к размножению; у человека примером индекса будет покраснение лица, выступающее симптомом смущения.

Индексы — широко распространенный и чрезвычайно важный инструмент коммуникации как людей, так и животных. Между тем, нам кажется спорным утверждение Н.Б. Мечковской о том, что природная коммуникация управляется преимущественно со стороны индексов [13, с. 144]. В нашем представлении природная семиотика в значительной степени базируется на иконической основе. Так, глазчатые пятна на крыльях бабочек есть, несомненно, иконический знак (и остается таковым независимо от того, принимается ли допущение о его связи с мимикрией).

Социальная жизнь животных организована посредством поведенческих знаков-икон — демонстраций и ритуалов (на что обращает внимание сама Мечковская [13, с. 144–145]). Так, поза подчинения — это всегда поза, не просто делающая животного уязвимым перед более сильной особью, но *демонстрирующая, подчеркивающая* эту уязвимость. Движение от *непосредственной* телесной реакции к *демонстративно-знаковому* поведению (процесс, называемый в этологии ритуализацией) является, по-видимому, магистральным путем эволюции природной коммуникации. Именно в силу того, что

это есть процесс, *движение*, порой бывает трудно различить, где заканчивается индекс и начинается икона. Так, оскал зубов есть знак агрессии, но вместе с тем он есть и начало нападения.

Грань между иконой и индексом, по-видимому, заключена в моменте «намеренности». Знаки-индексы *возникают* произвольно; знаки-иконы (а также символы) подаются *намеренно* (при этом конфигурация знака может быть задана генетически). Вернувшись в данном контексте к рассуждениям Т. Лукмана и А. Шютца, мы можем увидеть в них здравую интуицию относительно различной природы индекса и иконы. Индекс, в нашем представлении, корректно трактовать как произвольный симптом определенных состояний особи. Индекс — это то, что читается другими; иначе говоря, это знак, который получает свой знаковый статус только в процессе его интерпретации реципиентом. Если в отношении индекса показано, что он подается «намеренно» (то есть — для других), он тут же «превращается» в икону.

В поведении человека различия между индексом и иконой более ощутимы, чем у животного, в силу того, что момент намеренности у человека получает рефлексивное измерение. Так, индексом являются такие *произвольные* проявления удрученности, как опущенные плечи, сгорбленная спина; человек, пребывающий в подобном состоянии, далеко не всегда осознает «знаковость» своей осанки. Однако телесное проявление психических состояний может иметь совершенно иной семиотический смысл — достаточно сравнить приведенный выше пример с выражением «*Вся его поза символизировала скорбь*», чтобы было понятно, о чем идет речь. Подобные телесные проявления Н.Б. Мечковская квалифицирует как кинемы; в большинстве случаев они представляют собой иконы, однако могут иметь и чисто символический смысл (например, жест «о'кей») [13, с. 137–139, 146–147, 162–163].

Существуют ли телесные символы в природной коммуникации и символы как таковые? Может ли биологический знак иметь символическую форму выражения — то есть форму, никак не связанную с содержанием информации, заключенной в нем? Одним из наиболее сложных для интерпретации случаев является танец пчел. По первому впечатлению он имеет символическое значение: пчелы абсолютно условным образом передают информацию о пищевых угодах или месте для образования нового гнезда. Здесь нет никакой явной связи между означающим и означаемым. Однако обратим внимание — здесь нет *ее в той же мере, в какой ее нет и в индексе*.

Возможно, что «телесно-символическое» поведение низших животных было бы правильнее трактовать как индексальное. В этом случае танец пчелы можно рассматривать как выражение ее психофизиологического состояния, вызванного определенными стимулами, но

не как «намеренное сообщение»; *симптом* того, например, что в некоем месте есть богатые пищевые уголья. Пчела, по-видимому, не может не танцевать — так же, как она не может и солгать, на что обращал внимание К. Поппер, рассуждая об условности отнесения танца пчелы к феномену языковой дескрипции [17, с. 153].

Не так просто решается вопрос о поведенческих знаках, которые используются в коммуникации высших животных. Возьмем в качестве примера поведение собаки, подающей знак призыва к игре. Конфигурация этого знака задана генетически. По типу организации (типу связи между означающим и означаемым) он отчасти является индексом, поскольку выражает состояние собаки, готовой к игре. В то же время, выводя обобщенный семиотический статус данного признака, мы бы назвали его символом. Сигнал призыва к игре не является простым симптомом состояния собаки и не испускается произвольно; напротив, он всегда подается адресно и намеренно как обращение к конкретному партнеру (ни одна собака не подает этот знак в отсутствие реципиента). Мы не можем интерпретировать этот знак как иконический — характерное движение собаки, игриво припадающей на лапы, *не похоже* ни на одно из ее обычных, несемiotических телесных состояний. Таким образом, так же, как и в случае иконической интерпретации знака, при различении символических и индексальных «жестов» мы акцентируем момент намеренности.

Еще более обоснованной выглядит символическая трактовка знаков, которым животное научается индивидуально. Показательный пример такого индивидуально выработанного знака мы находим в поведении домашнего кота, который царапал по ночам ковер, требуя, чтобы его выпустили на прогулку. Этот знак сформировался на глазах автора данной работы; по-видимому, он возник из произвольного движения раздражения, которое испытывал кот, когда его громкое «мяу» перед дверью не вызывало необходимой реакции у спящих хозяев. Обнаружив через какое-то время ключья от дорогого ковра, хозяева стали реагировать на царапанье мгновенно, и с тех пор выпускание кота на ночную прогулку происходило обычно в такой последовательности: вначале перед дверью раздавались кошачьи вопли; если они оказывались безуспешными, кот начинал царапать ковер (обратим внимание на терпимость животного, которое прибегало к «крайним мерам» не сразу, а лишь при необходимости).

Этот забавный случай «формирования условного рефлекса у хозяев» непрост для интерпретации. Как квалифицировать знак, который подавал кот, царапая ковер? Этот знак, сформировавшийся на основе индекса и, возможно, сохранивший черты последнего (чувство неудовольствия, испытываемое котом), нельзя интерпретировать как произвольный сигнал физического состояния кота. Он не возникал, но *подавался*. Более того, совершенно очевидна конвенциональная

природа данного знака: царапанье ковра — это уникальный знак, выработанный в конкретном домашнем сообществе. Исходя из этого, мы считаем возможным трактовать данный знак как символ с оттенком индексальности. В описанных случаях поведения кота и собаки очевиден элемент намеренности, в силу чего мы не можем квалифицировать «поступки» данных животных как «чистый» индекс — то есть просто симптом их физического или психического состояния, которое читается другими как знак. В то же время, очевидно, что все природные символы несут осязаемый оттенок индексальности, поскольку непосредственно связаны с физическим состоянием особи.

Те оттенки и нюансы, к которым мы прибегаем при интерпретации природных знаков, не следует относить к несовершенству семиотических моделей. В этих оттенках и нюансах находит конкретное проявление континуальная природа знака, на которую указывал еще автор понятийной триады «индекс — икона — символ» Ч. Пирс: «...было бы чрезвычайно трудно, — писал он, — если вообще не невозможно привести пример чистого индекса или, напротив, знака, абсолютно лишённого индексальности» [15, с. 96].

К. Бюлер обращал внимание на то, что каждый языковой знак имеет элементы семантической функции симптома — «в силу своей зависимости от посылающего (говорящего), внутреннюю сущность которого он выражает» [4, с. 26].

В коммуникации животных присутствуют также символы, имеющие предметное воплощение; приведем в качестве характерного примера брачное поведение птиц шалашников, связанное с манипулированием предметами [5, с. 583]. Подобным же образом мы интерпретируем метки, которые оставляют животные *в знак* своих прав на данную территорию. Эти метки, регулирующие дистальную коммуникацию в природных сообществах, сочетают в себе черты индекса и символа. В них можно различить момент намеренности: метка-запах или метка-царапина, оставленная *специально*, символизирует потенциальное присутствие особи; в то же время она может быть непреднамеренным следом, симптомом присутствия животного.

Во всех этих случаях манипулирование предметами имеет генетическое управление. Возможно, что предметные символы используются и в более сложных формах поведения животных, не «подсказанных» генетически. Наблюдения за высшими обезьянами показали, что в процессе игровой деятельности эти животные дарят друг другу цветы, украшают друг друга венками, то есть совершают действия, в которых можно увидеть символический смысл [13, с. 144].

Во всех описанных случаях предметы, которые присутствуют в коммуникации животных, мы квалифицируем как нечто среднее между индексом и символом. До известной меры это справедливо и по отношению к человеку. Цветы, подаренные в знак любви, в каком-то

смысле напоминают цветы, которыми украшают свое «брачное ложе» шалашник. Действительно, любовь, выраженная в цветах, тесно привязана к психоэмоциональному состоянию особи и сильно отличается от любви, выраженной в соответствующем концепте. Точно так же лицевая мушка, символизирующая то или иное настроение светской дамы, несет в себе отчетливые черты индекса.

Предметный план выражения, безусловно, допускает и вполне отвлеченные символы — такие как государственная, гербовая, религиозная, эстетическая символика. В культурном («человеческом») символе часто ощутимо присутствуют иконические черты (например, крест как символ веры есть иконическое выражение крестных страданий Христа). По-видимому, символы с иконическим оттенком присутствуют только в коммуникации человека, природа их не знает.

Обобщая изложенные выше сюжеты, отметим, что в целом поведение животных имеет ярко выраженное знаковое управление и при этом носит преимущественно инстинктивный характер. Это вполне объяснимо, поскольку «самостоятельная» сознательно-рефлексивная расшифровка знака требует интенсивной интеллектуальной деятельности. Между тем, как подмечено в исследованиях эволюции языка, у животных язык представляет собой средство коммуникации, но не познавательной деятельности [8, с. 104; 13, с. 59, 235–236].

«Генетический знак» — это та ступень семиозиса, на которой никакой автономии знака еще не существует, равно как и автономии особи в плане ее семиотического самоопределения. Освобождение знака от генетической зависимости ведет к ослаблению его причиняющей силы и, соответственно, дает носителю знакового поведения определенную свободу. Чем более высока степень отделенности знака от особи (и особи от знака), тем непредсказуемее социальное поведение. Когда исполнение знака и реакция на него предписаны генетически и не требуют никакого научения, особь может вести себя только так, как она может себя вести. Поведение в этом случае абсолютно предсказуемо: оно либо есть — вместе с особью, либо нет ни поведения, ни особи. Но когда знак отделен от носителя, когда он *осваивается* последним, появляется люфт, а вместе с тем и некоторая свобода — для особи. У нее появляется возможность проигнорировать «свою» и освоить иные семиотические системы — что мы и наблюдаем в межвидовом взаимодействии (птица, которая выучивает чужую песню, коммуникация выросших вместе кошки и собаки, общение человека и животного).

В семиотическом плане эта свобода приводит к появлению «зазоров» между означающим и означаемым, знаком в целом и предметом. Зазор становится особенно ощутимым «на этапе человека», благодаря способности последнего к самосознанию как само-дистанцированию. Человек волен выбирать, какие знаки приписывать предметам и на-

столько тесно состыковывать «означающее» и «означающее». Осмысление этого факта, импульсом к которому послужило искусство, и в частности театр Б. Брехта, привело в конечном счете к лингвистическому повороту, в котором идея семиотической свободы человека была раскрыта наиболее радикальным образом¹.

Генетическая несвязанность знака — необходимое, но недостаточное условие его автономности. Как было показано выше, знак может быть генетически не предписан, но само его существование требует физического (телесного или предметного) воплощения. Природные семиотические системы — это системы, ждущие своего освоения, *воплощения* — всегда в «чужих» формах, изначально предназначенных не для семиотических, а иных целей (в теле, цветах и проч.). Знак в этом случае не имеет собственного субстрата, он должен быть воплощен, его план выражения всегда телесно или предметно конкретен. Это — ограничение на автономность знака с точки зрения плана выражения. Второе ограничение заключается в отсутствии у знака «своего собственного» содержания, которое не отсылало бы непосредственно к психофизическому состоянию особи.

В силу указанных семиотических ограничений ни одна биосемиотическая система не является автономной. Она не имеет собственной референции; именно здесь, предположительно, кроется принципиальное различие между природной формой социальности² и социальными институтами человека.

Природная (элементарная) форма социальности есть, несомненно, семиотическая форма, то есть некий достаточно жесткий комплекс знакового поведения (взаимообмена знаками). Будучи семиотической формой, она обладает причиняющей силой и вовлекает в себя психические системы, которые имеют с ней точки сопряжения. Она заставляет особей вести себя так, как того требует ее семиотическая конструкция. Однако контактная форма социальности не автономна и не имеет внутреннего потенциала развития. По своей семиотической сути она не самодостаточна; говоря более строго, природная форма — это не семиотическая *система*, а семиотическое *оформление* базовых конфигураций социального взаимодействия. Она управляет поведением особей, но не «управляется» (не управляет собой), и она не поддается развитию, поскольку в ней нет логического взаимодействия между знаками.

Почему ни одна из природных систем социальности, культуры,

¹ Краткое и содержательное изложение данного сюжета см. в: [21, с. 28–36].

² Под природными формами социальности мы имеем в виду конфигурации взаимодействия, складывающиеся в пространстве непосредственной коммуникации, — такие как брачный союз, родительская семья, дружеский союз и т. п. (подробнее см. в: [23]).

коммуникации не смогла перейти границу третьего мира и не стала автономной / аутопойетической системой?¹ Потому что ни одна из них не оторвана от своих носителей / генераторов и не имеет собственного языка².

У знака в его высшем, символическом состоянии должен быть как свой собственный план выражения (символ, не запечатленный в теле или конкретном предмете, имеющем «свое собственное бытие»), так и свой собственный план содержания (информация, не имеющая непосредственного отношения к телесному состоянию индивида). Несвязанность формы знака (плана выражения) его содержанием или предметом, имеющим свое собственное «основное» бытие и лишь «предоставляющим» свое «тело» для передачи знака, открывает возможности для формальной стороны знако-творчества. Именно при этом условии знак приобретает «свои собственные» законы формообразования. По-видимому, аналогичным образом дело должно обстоять и с содержательной стороной дела. Наличие у знака «своего собственного содержания» позволяет создавать отвлеченную информацию, не имеющую непосредственной жизненной корреспонденции, «приподнятую» над реальностью.

***

Мы постулировали, что «субстратом» социальности является знак. Второй принципиальный тезис семиотической концепции социальности состоит в том, что социальное существование человека включает все уровни семиотического отражения (индексально-симптоматический, иконический, символический) и, таким образом, шире своей лингвистической составляющей. В то же время символический способ организации взаимодействия имеет место в природе до человека, поэтому разделить социальность животных и человека, ориентируясь лишь на формальный признак используемого семиотического средства, невозможно.

Несомненно, что социальные структуры человеческого общества оформлены в первую очередь лингвистически (в этом — «правда» лингвистического конструктивизма). Вместе с тем семиотический статус слова на уровне микро- и макровзадействия различен. На микроуровне (уровне контактного взаимодействия) слово несет вы-

¹ К. Поппер, как нам представляется, неправ, когда утверждает: «...хотя третий мир есть человеческий продукт, человеческое творение, он, в свою очередь, создает свою собственную *область автономии*; то же самое происходит и с продуктами деятельности других животных» [18, с. 454].

² Н. Луман подчеркивал, что для функционирования аутопойетической системы необходимы специфические средства.

раженную этологическую нагрузку. Оно вплетено в систему экстралингвистической коммуникации и обслуживает поведенческие процессы. Слово на этом уровне выступает как организатор поведения, а не как средство создания понятийно-символической надындивидуальной реальности (объектов «третьего мира»). Иначе говоря, на этом, контактном, уровне социальности «работает» не язык, а речь.

Микроуровень социальных взаимодействий в операциональном отношении не замкнут, не обладает собственной динамикой; обслуживающие его семиотические средства имеют внешнюю референцию: в каждой операции они отсылают к внешней реальности (реальному поведению). Именно поэтому такие формы не развиваются. Они заданы изначально как формы, в которых существует жизнь.

Макроуровень социальных взаимодействий (уровень социальных институтов) построен с использованием иных семиотических средств — символических, в силу чего он обретает собственную динамику. Перспективный, на наш взгляд, ракурс в анализе социального института связан с выделением его идеальной составляющей — той системы понятий и концептов, которая организует и направляет человеческое поведение, но не редуцируется к последнему. Социальный институт не следует сводить к стихийно сложившимся способам поведения (что, в частности, делает Дж. Сёрль [25, 26]); последние есть предпосылка образования института. Институты не есть эпифеномен непосредственного человеческого взаимодействия, они представляют собой концептуализацию социального порядка. Зарождаясь в спонтанной практике социальных взаимодействий, институт в конечном счете выступает продуктом теоретической рефлексии, системой связанных идей относительно определенного комплекса социальных отношений¹.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арчер М. Реализм и морфогенез // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 50–68.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Изд-во «Медиум», 1995.
3. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала. Choses dites: Пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1994. С. 181–207.
4. Бюлер К. Теория языка (извлечения из раздела «Принципы изучения языка») // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч II. М.: Просвещение, 1965. С. 22–37.
5. Жизнь животных: В 6-ти т. Т. 5: Птицы / Под ред Н.А. Гладкова, А.В. Михеева. М.: Изд-во «Просвещение», 1970.

¹ Семиотический подход к пониманию социального института отвечает одной из современных тенденций в развитии семиотики как таковой, а именно — тенденции расширения в сферу исследования культурных концептов (или концептологию) (см.: [21, с. 40]).

6. *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М.: Просвещение, 1965.
7. *Зорина З.А., Полетаева И.И., Резникова Ж.И.* Основы этологии и генетики поведения: Учебник. М.: Изд-во МГУ, 1999.
8. *Кликс Ф.* Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1983.
9. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т. МГУ, 1996.
10. *Лоренц К.* Так называемое зло. К естественной истории агрессии // *Лоренц К.* Обратная сторона зеркала: Пер. с нем. / Под ред. А.В. Гладкого. М.: Республика, 1998. С. 61–242.
11. *Мак-Фарленд Д.* Поведение животных: психобиология, этология и эволюция: Пер. с англ. / Под ред. П.В. Симонова. М.: Мир, 1988.
12. *Мейен С.В.* Проблема направленности эволюции // *Итоги науки и техники. Серия «Зоология позвоночных». Т. 7: Проблемы теории эволюции.* М.: ВИНТИ, 1975. С. 66–117.
13. *Мечковская Н.Б.* Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций. М.: Издательский центр «Академия», 2004.
14. *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // *Семиотика: Антология* / Сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45–97.
15. *Пирс Ч. С.* Логические основания теории знаков. СПб.: Алетейя, 2000.
16. *Поппер К.* Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002.
17. *Поппер К.* Кэмпбелл об эволюционной теории познания // *Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики* / Сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовский, В.К. Финн; Пер. с англ. Д.Г. Лахути. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
18. *Поппер К.* Эпистемология без познающего субъекта // *Логика и рост научного знания.* М.: Прогресс, 1983. С. 439–495.
19. *Соссюр Ф. де* Курс общей лингвистики. М.: Соцэкгиз, «Образцовая» тип., 1933.
20. *Степанов Ю.С.* В мире семиотики // *Семиотика: Антология* / Сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 5–42.
21. *Степанов Ю.С.* Семиотика (1971 г. с дополнениями и изменениями) // *Степанов Ю.С.* Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры» 1998. С. 17–171.
22. *Чебанов С.В.* Рецензия на книгу Йеспера Хоффмейера «Знаки смысла во Вселенной» (Jesper Hoffmeyer J. «Signs of meaning in the Universe»; Transl. by V.J. Haveland. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1997) // *Журнал общей биологии.* 1999. Т. 59. № 2. С. 229–235.
23. *Шмерлина И.А.* «Физика» социальности // *Вестник РАН.* 2003. Т. 73. № 6. С. 521–532.
24. *Bhaskar R.* The possibility of naturalism: A philosophical critique of the contemporary human sciences. Brighton: Harvest Press, 1979.
25. *Searle J.R.* Social ontology and political power. 2003. February 4 [online]. Date of access: 14.02.2005. <<http://www.law.berkeley.edu/cenpro/kadish/searle.pdf>>.
26. *Searle J.R.* The construction of social reality. New York: The Free Press, 1995.